

The background of the entire page is an aerial photograph of a vast, clear turquoise sea. A white wake from a boat is visible in the lower right quadrant, extending from the bottom edge towards the center. The sky above is a deep blue with wispy white clouds. A white rectangular box is positioned in the upper left, containing the author's name and the title.

Айрин Серпента

Смерть - ТОЛЬКО начало

Айрин Серпента
Смерть – только начало

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Серпента А.

Смерть – только начало / А. Серпента — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Сердце погибшей Паломы позволило жить другой женщине. Брат Паломы отправляется на розыски реципиента...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Глава 1

Скаю пришлось лететь с другого конца света – из Франции, где застало его послание Дюка. Он даже не сменил одежду, уйдя с середины пресс-конференции, куда ему принесли телеграмму. Просто вышел через вращающиеся двери здания «Антенн-2», сел в свой лимузин и приказал везти его в аэропорт Шарля де Голля, где уже ожидал, шумя моторами, его персональный самолёт. Иногда, чтобы машина не простаивала, он одалживал самолёт госслужащим высокого ранга, но сейчас ему повезло. Меньше чем через двадцать минут серебристая птица поднялась над Парижем и взяла курс на остров.

Как Скай ни спешил, он едва успел на похороны сестры, распорядился ходом которых Дюк Орнунг. Растолкав толпу мужчин и женщин в чёрных костюмах – в основном, друзей Паломы, Скай замер у края могилы, в которую медленно опускался роскошный, дорогой гроб из дуба, заколоченный наглухо. Когда механизм остановился, на крышку гроба полетели цветы вперемешку с комками земли. Друзья Паломы Уидден, отдавая последнюю дань её памяти, старательно обходили страшную в своей неподвижности фигуру её нелюдимого, загадочного брата. Скай молча стоял, глядя вглубь; Дюк старался не отходить от него, опасаясь, что тот бросится вниз, стремясь присоединиться к своей обожаемой Паломе. Даже невеста не означала для Ская так много, как сестра. Луэлла была просто средством продлить его род – а не она, так другая. Но Палома... Палома была единственной на земле.

Участники церемонии потихоньку разошлись, не собираясь разделять горечь утраты с Уидденом. Он не любил их, был ревнив, словно любовник – поговаривали, что так оно и есть, и всю жизнь старался держать Палому в поместье, при себе. Неудивительно, что она от него убежала. Они соберутся позже, в кабачке на западной стороне острова Эсмеральда, в Палома-Сити – столице острова и единственном городе на нём. Соберутся все вместе и помянут «сумасшедшую Палому» одной из тех вечеринок «по полной программе», что она так любила. И будут наркотики, и стриптиз, и запрещённые на острове фейерверки. Алкоголь польётся рекой... И пусть жители Эсмеральды подумают, что у приезжих очередной праздник. Палома была бы рада умереть так. Только они, её друзья, понимали душу Паломы...

А Скай Ровер Уидден всё стоял на коленях у могилы сестры и рыдал, как ребёнок, а потом рычал, будто дикий зверь:

– Палома, как ты могла, Палома?! Я же любил тебя... Как ты посмела, дрянь...

Глава 2

– Скай, я не мог дальше тянуть с решением. Палому следовало похоронить.

– Я говорил, Дюк, не о том, и ты это понимаешь. Как ты позволил им, этим мясникам, разделить её на кусочки и разослать во все концы мира?! Ты знаешь, что отныне душе Паломы не будет покоя...

– Извини, Скай, что тебе противоречу, но думаю, что **именно теперь** Палома обретёт покой. Я ведь был с нею до последних минут, я слышал её слова. Она жалела о том, что растратила свою жизнь понапрасну. А потом попросила спасти кого-нибудь за её счёт. И её адвокат приехал сразу же – с письменным разрешением на трансплантацию органов. Хирурги сказали – сейчас или никогда.

– Молодая идиотка, – Скай отвернулся, закрыв руками лицо. Сердце его превратилось в огромную кровоточащую рану. – Она была для меня всем, Дюк, а я не успел её спасти. Я снова, как всегда, был далеко, делая эти проклятые деньги. Да кому они теперь нужны, когда её нет рядом!..

– Нашим детям, любимый, – проворковала ослепительная блондинка с порога.

Дюк Орнунг невольно вздёрнул голову и тут же закрыл глаза, действительно опасаясь потерять зрение. Сегодня Луэлла Нит была вся в серебряном, о трауре в доме напоминал только чёрный бант на её левом плече. Длинные серьги задевали жёсткий ворот серебряного костюма, каблучки на сияющих туфлях звонко постукивали. Волосы Луэллы были выкрашены с учётом

обстоятельств и напоминали дорожку для пешеходов через проезжую часть: полоса чёрная, полоса серебряная. Умом Луэлла не выделялась, это только помешало бы её умению приспособливаться. Зато женщина знала, что её внешность сводит мужчин с ума. Она действительно была прекрасна, и Дюк Орнунг не понимал, почему при виде блистательной Луэллы у него возникала только одна мысль – эта женщина ему не по средствам... Возможно, так срабатывал его инстинкт самосохранения.

– Детям? – Скай злобно оскалился, поворачиваясь вместе со стулом к своей прекрасной невесте. – Что-то ты, моя дорогая, не торопишься мне их подарить.

– Что-то ты не торопишься взять меня в жёны, Скай Ровер Уидден! – жёстко парировала Луэлла. Она села без приглашения, понимая, что может его и не дожидаться. – Впрочем, конечно, сейчас не время для разговоров о свадьбе. Бедняжка Палома... я очень любила её, – Луэлла не солгала. Они были подругами с Паломой Уидден, частенько вместе развлекались. Палома представила Луэллу своему брату, постоянно подталкивая его к женитьбе. Она хорошо знала, что Скай ни в чём не может отказать ей. А будущее подруги следовало обеспечить. Только сверхзанятость Ская спасала его. Теперь он проклинал себя за то, что не смог доставить сестре эту последнюю радость в её короткой жизни. Он выполнит волю Паломы и женится на Луэлле, как только окончится траур по сестре. И пусть порой Луэлла невыносимо раздражает его своим легкомыслием и внутренней пустотой, своей нескрываемой жаждой денег – какая разница? Так хотела Палома, а она не пожелала бы дурного для брата...

– Дружище, – Дюк выглядел искренне огорчённым, – я знаю, что утрата твоя тяжела. Но ты меня беспокоишь всё больше. Ночью я опять слышал шаги в твоей спальне. Почему ты не спишь?

Лицо Ская выглядело по-настоящему диким. Он ещё более похудел за прошедшие три недели, оброс густой щетиной, имеющей неухоженный вид, пронизательные глаза воспалились и покраснели.

– Я конченный человек, Дюк, – в ответ на заботу он только махнул рукой. – Мне без Паломы жить незачем.

– Да как ты можешь такое...

– Она тоже так считает, – прервал Скай возмущение компаньона.

– Она? Кто она? – Дюк опешил.

– Палома, – как маленькому ребёнку, пояснил босс. – Она мне снится, как только закрываю глаза. И упрекает в своей смерти.

Дюк Орнунг мысленно застонал.

– Чёрт побери, Скай, это твоя фантазия, твои мысли, а не её! Ты выдумал, что виноват во всём, и теперь намерен известить себя этой мнимой виной.

– Но я действительно был её опекуном! Я должен был охранять её и заботиться, и любить...

– А то ты не любил её, Скай! Да все видели, что она для тебя – единственная звёздочка в окошке. И не пытайся...

– В моих снах она говорит мне, что хочет получить назад своё тело. Я должен выполнить её волю, Дюк.

Холодная решимость во взгляде Уиддена обеспокоила компаньона.

– Да ты с ума сошёл, Скай Ровер Уидден! Палома сама дала разрешение на трансплантацию её органов...

– Она не подумала, что они могут достаться не достойным этого людям.

– Она и сейчас так не думает. Она умерла, понимаешь? Умерла! И что, ты собираешься принести в жертву всех тех, кому имплантировали её органы?!

– Я только хочу восстановить справедливость. Чтобы Палома успокоилась. Ведь то, что они сделали с ней, это же уголовное преступление!..

– А то, что собираешься сделать ты, – нет?

Скай обхватил обеими руками голову, пряча лицо. Виски разрывались от невыносимой боли.

– Господи, Дюк, я не знаю, не знаю! Но она не оставляет меня в покое.

– Может быть, обратимся к психиатру? – осторожно предложил Дюк.

Он вправе был ожидать взрыва в ответ на свою дерзость, но Скай только устало посмотрел на него.

– Какого чёрта, Дюк... Если я – сумасшедший, то мне никакой психиатр не поможет. А если нет, и Палома действительно пытается вступить со мной в контакт, то скорее нужен экстрасенс. Ты так не считаешь?

– Ну так давай поищем и того, и другого, – верный друг всегда был готов помочь. – Но чёрт меня побери, если я знаю, кто именно из них тебе нужен.

– И я не знаю, Дюк, – Скай отвернулся, ища глазами фотографию Паломы Уидден, до её смерти всегда стоявшую в рамочке над камином. Фотографии на привычном месте опять не оказалось. Не выражая неудовольствия, Скай открыл верхний ящик письменного стола. Снимок лежал там лицом вниз. Брат Паломы любовно протёр стекло, прежде чем поставить фотографию на каминную полку. Он делал это в двадцать второй раз за прошедшее время.

– Почему ты всё время убираешь её, Дюк? Она ведь удивительно красива...

– Она **была** красива, Скай. Она пытается управлять тобой и после смерти.

– Ну, это же не богиня древних индусов Кали. Она не требует от меня кровавых жертв.

– Ты в этом уверен? А как же можно назвать то, что ты собираешься сделать с невинными людьми, имевшими несчастье получить органы Паломы?

– Для них это величайшее счастье, Дюк, – тихим тоном, предупреждающим об опасности, проговорил его партнёр.

– Я не собираюсь участвовать во всём этом безумии, – Дюк Орнунг отвернулся. – И даже не подумаю, как раньше, проводить расследования для тебя.

– Я не прошу тебя об этом, – Скай криво улыбнулся, но добавил прежде, чем компаньон успел обрадоваться, что босс отказался от вздорной идеи. – Я всё сделаю сам. Это мой долг перед Паломой.

Утром он улетел с острова Эсмеральда на поиск людей, разделивших между собой молодое, красивое тело Паломы Уидден.

Глава 3

Место действия: Хелмсдейл, Шотландия.

Керстен Игрейн ждала.

Она делала это каждый день, с того самого момента, как помнила себя. И она знала, что значит жить в тяжкой рутине текущего времени, когда каждая минута, секунда пронизана ощущением и ожиданием высшей цели, достичь которую она пока не достойна.

Она истово верила в Бога, но Бог не спешил помочь ей. Девушка не отчаивалась. Она каждый день начинала с похода в церковь, где подолгу стояла возле распятия, смотрела на лики святых, но ни о чём не просила, только пыталась найти ответ на жгучий вопрос: почему? Святые молчали, и, чтобы расшевелить их, Керстен приносила подарки: вышитые покрывала, резные вещицы, которые отдавала священнику, – подставку и закладку для Библии, похожие на деревянное кружево своей тончайшей резьбой, подлокотник, чтобы ему было удобно читать с кафедры проповеди. Отец Давид благодарил добрую и милую девушку, но даже он не мог ответить на вопрос, почему Бог невлюбил её ещё до рождения.

Единственная подруга Керстен удивлялась пылкости её молитв и силе веры. «Как ты можешь служить Ему после того, что Он сделал? Он же сотворил тебя калекой...»

Вследствие своего дефекта Керстен росла спокойной и тихой девочкой. Она не бегала, не шумела и не любила играть. Чаще всего ее заставляли забившейся где-нибудь в уголок с серьезной книжкой. Миссис Игрейн обожала свою единственную дочку. Еще при беременности Кристен Игрейн знала, что чудес не бывает, но надеялась на чудо. У серьезно больной матери не может родиться совершенно здоровый ребенок. Врачи предупреждали, что девочка может даже отнять жизнь у своей матери, но Кристен это не останавливало. Другого шанса у нее быть не могло. И беременность решили не прерывать. Девочка родилась маленькой, слабый. Ее с трудом откачали и после держали почти четыре месяца в стерильном боксе. Тогда же врачи и обнаружили у нее болезнь ее матери.

Отца своего Керстен не знала, она жила только с матерью. Недостатка в подарках она не испытывала, но ждала только одного. Такого, который позволил бы ей стать обычной девочкой, девушкой, бегать, не боясь умереть в любую минуту, петь, играть и влюбляться. Доктора обещали ей этот подарок, и Керстен смиренно ждала, не теряя надежды с каждым уходящим днем рождения. В канун двадцатидвухлетия ей позвонили.

Керстен получила свой подарок, но какой ценой!

Сейчас она была уже почти здорова, но доктор Уорнесс все равно советовал ей побольше отдыхать. Этим Керстен и занималась, прогуливаясь вдоль реки, купаясь в лучах предзакатного, все еще теплого солнца. Боли она уже не испытывала, сердце билось непривычно медленно и ровно. То, что кажется незаметным нормальному человеку, для Керстен Игрейн было чудом. Она вновь и вновь прижимала ладонь к груди, благодаря Бога и боясь проснуться без своего удивительного подарка. Она уже любила его.

Почувствовав, что устала, Керстен присела на большой необтесанный камень у края дороги. Вокруг нее расстилалась чудесная зеленая лужайка, одуванчики согревали взгляд своими желтыми головками. Сколько себя помнила, Керстен обожала природу. Она не хотела жить в больших городах, зная, что все равно останется там чужой, а вот поля, леса, море и скалы не могли относиться к ней враждебно. Во всем она слышала голос мамы, видела ее милое лицо...

Где-то недалеко, в низине за спуском залаяла собака. Минуту спустя на вершине горки, в нескольких метрах от Керстен появился самый прекрасный пес, которого она видела в своей жизни, переливающийся на солнце золотом ирландский сеттер. Неистово размахивая хвостом, он кинулся к сидящей на камне девушке и, встав на задние лапы, принялся облизывать теплым языком ей лицо.

– Ронни, что ты там вытворяешь? Ронни, нельзя! – наверное, это было закономерно, что вслед за очаровательной собакой из-под горы, чуть запыхавшись, возник и самый красивый мужчина Вселенной. Керстен сочла вполне естественным, что у прекрасной собаки хозяин так же хорош собой. То ли черные, то ли синие глаза мужчины встревоженно блеснули, когда он увидел, чем занимается его пес. – Ронни, прекрати немедленно!

Помахивая хвостом, пес отказался подчиниться его команде. Он терся головой о колени сидящей женщины с таким усердием, словно намеревался втереть ее в камень. Или, может быть, он страдал от блох. Керстен с улыбкой положила руку на темно-рыжую спинку красавца Ронни.

– Не волнуйтесь, я не боюсь собак.

– Ну слава Богу! – мужчина вздохнул с облегчением. – Обычно женщины начинают вопить сразу, как только Ронни подходит к ним. Это выработало у него привычку избегать прохожих. Не понимаю, почему он вообще к вам бросился... – мужчина сделал еще пару шагов вперед, приложил руку ко лбу, защищаясь от слепящих его лучей солнца, и поправился, с

явным удовольствием глядя на то, что открылось его взору. – Нет, пожалуй, понимаю. Как вы прекрасны...

Керстен смущенно потерела кончик одной из своих золотистых кос.

– Вы слишком добры ко мне. Я самая обыкновенная. Это обстановка наводит на романтические...

– Я бы так не сказал, – покачал головой мужчина. – Вы позволите мне немного посидеть у ваших ног? А то я начинаю завидовать Ронни...

Поняв, о ком идет речь, сеттер вновь завилял хвостом, старательно вылизывая руки Керстен.

– Земля холодная, – Керри слегка улыбнулась. – Вы замерзнете.

Незнакомый мужчина бросил на траву свою куртку и сел, не отрывая взгляда от ее лица.

– Вам часто, наверное, говорят, что вы прекрасны...

– Совсем никогда, – Керстен покачала головой, вопреки здравому смыслу увлеченная этим разговором. – Некому говорить это, – пояснила она.

– А муж? – настойчивый незнакомец изогнул в удивлении брови. Они были у него красивой формы, такие же темные, как и длинные, слегка выющиеся волосы. – А жених, друг или возлюбленный?

– У меня нет ни того, ни другого, ни третьего. Я совершенно одна. Раньше мне говорила такие слова мама, но она ведь была пристрастна... А сейчас она умерла, – опустив глаза, очень тихо закончила девушка.

Но незнакомец услышал.

– Как жаль, – почти шепотом отозвался он, и в его сочувствии не прозвучало ни грамма неискренности. Керстен была ему за это благодарна.

– Многие жители Хелмсдейла считали ее странной, потому что она никогда не приглашала гостей в дом, не устраивала вечеринок, не участвовала во всяких глупых конкурсах на лучшую выпечку или розы... Хотя розы в ее саду все равно были самыми лучшими. У нее было больное сердце... – Керстен прижала пальцы к щекам, пытаясь унять слезы. Как глупо, что она разоткровенничалась с совершенно неизвестным ей человеком.

– Вы здесь живете, да? – мужчина у ее ног пошевелился, меняя позу. – Наверное, давно?

– Столько лет, сколько помню себя, – Керстен бледно улыбнулась. – Я никогда никуда не выезжала, даже в соседние города. Я, можно сказать, последний представитель вымирающего рода абсолютных провинциалок. Однажды, правда, я лежала в госпитале в Инвернесе, но вряд ли это можно назвать поездкой в большой город, к тому же я ничего там не видела, кроме больничных стен.

– Что с вами случилось?

– Мне делали операцию, – шотландка пожалала плечами, и мужчина понял, что больше ничего на эту тему она не скажет.

– Вы такая красивая... – вновь повторил он, глядя на солнце, запутавшееся в ее волосах. – Как жаль, что я приехал в Хелмсдейл ненадолго и по делам, а то бы...

– Какие дела могут быть в Хелмсдейле? – искренне удивилась девушка. – Еще могу понять, почему здесь живу я, художник по дереву, или всякие музыканты и живописцы. Здесь прекрасное место для отшельников и творческих натур. Но вы – человек другого склада, это сразу понятно по вашему рту и лбу. Вы прагматик...

– Возможно, я – бизнесмен и собираюсь купить здание местного муниципалитета? – неуклюже пошутил мужчина в ответ. И тут же перевел разговор на другую тему. – Так, значит, вы вырезаете всякие забавные вещицы из дерева? Это интересно. Хотел бы я как-нибудь заглянуть к вам в гости и полюбоваться на ваши изделия...

– У меня не бывает больше двух-трех штук, – пояснила девушка. – Я сразу всё отправляю в Инвернесс на продажу. Иначе мне будет не на что жить. Я не работала, пока болела, и накопились долги за время болезни мамы...

– Если я чем-то могу помочь вам... – незнакомец озабоченно приподнялся. – Кстати, меня зовут Скай.

– А я – Керри, – девушка немного грустно ему улыбнулась. – Нет, спасибо, помощь мне не нужна. Я совершенно не привередлива, а на еду и необходимые лекарства достаточно того, что я зарабатываю... Какое у вас необычное имя, – переменила она тему, боясь, что красивый незнакомец спросит, чем она больна, и узнает, что она совершенно бесполезна как женщина. – Неужели вас так называли родители, Скай?

– Ну, моя матушка могла целыми днями смотреть на голубое небо^{1*}, – усмехнулся мужчина. – Она говорила, что глаза у меня были такими же голубыми, пока я был маленьким. Сейчас, право же, не знаю, в паспорте их цвет записан как «фиолетовый». А мое официальное имя – Скайлер, Скайлер Ровер, – из предосторожности он не назвал последнего имени. – Только никто и никогда не называл меня Скайлером. А вот ваше имя – типично шотландское.

– Наверное, – Керри рассеянно потеревила травинку, пробившуюся сбоку от камня. – Я ведь шотландка. Я люблю мою родину...

– И вересковый мед? – шутливо закончил строкой из баллады Стивенсона Скайлер.

Керри в ответ улыбнулась.

– Вы помните – «и пусть со мной умрет моя святая тайна...». Рецепт приготовления верескового меда давно утрачен, теперь в Шотландии пьют «Кока-колу». Что до меня, я терпеть ее не могу. Предпочитаю молоко... Так что вы все-таки намереваетесь делать в Хелмсдейле, мистер Ровер? – вернулась она к интересующей ее теме. – И как долго вы здесь пробудете?

Скай тихонько вздохнул.

– Мисс Керри, я... видите ли, я адвокат, – он не совсем погрешил против истины, в бизнесе ему приходилось решать и юридические вопросы. – По поручению клиента я разыскиваю одного человека... женщину. Миссис Кристен Игрейн. Вы ее знаете?

Керстен вздрогнула всем телом так сильно, что едва не упала с камня. В одно мгновение человек, сидящий у ее ног, стал ей подозрителен и даже несколько неприятен. Зачем он разыскивает ее мать?

– Я не предполагала, что адвокатские конторы действуют так по-любительски, – проговорила она. – Мне казалось, вы рассылаете запросы в официальные органы и все такое...

– Ну... приходится действовать разными способами... – лихорадочно подыскивая правдоподобный ответ, пробормотал Скай. А ведь сейчас она спросит, что именно ему требуется от этой Кристен Игрейн, с ужасом понял он. Какая въедливая девчонка! С двумя предыдущими реципиентами Паломы таких проблем у него не возникало. Жаль, что они умерли до того, как он успел до них добраться.

– Я ведь только спросил... – начал оправдываться он, но девушка уже встала.

– Мне пора домой. Если я простужусь, это может закончиться для меня очень плохо. Или хорошо, в зависимости от того, как смотреть на этот вопрос. Смерть – это покой, а я так о нем мечтаю, – она плотнее закуталась в теплую шаль и слегка отодвинула весело запрыгавшего вокруг нее сеттера. – Пожалуйста, не провожайте меня.

– Вам не стоит бояться Ронни, – растерянно повторил Скай, тоже поднимаясь на ноги.

– Я собак не боюсь, – ответила ему всё той же фразой девушка. И ушла по дороге вдоль берега, а желтая шаль развеялась за ее плечами, похожая на крылья ангела.

– Боже, как же она прекрасна! – с чувством проговорил Скай, обращаясь к своему верному Рональду. Собака тоже смотрела вслед новой знакомой, а потом перевела взгляд на хозя-

¹ Sky (англ.) – небо

ина, и Скаю показалось, что на умнейшей морде сеттера было написано полное одобрение его словам.

С самого начала шотландского этапа своей деятельности Скай понимал, что кампанию по уничтожению Кристен Игрейн за один день ему не провернуть, поэтому сразу после приезда в Хелмсдейл он отправился подыскивать себе жилье. Причина, по которой он не воспользовался услугами ни одного из трех городских отелей, была одинаковой: горничные в любой точке земного шара имеют прискорбную привычку совать нос в чужие дела. А Скай никоим образом не хотел, чтобы весь городок обсуждал его маленькое святилище, устроенное в глубине комнаты – огромный портрет Паломы с постоянно горящими свечами перед ним. И, конечно, символическими заменителями тех частей тела, которые она уже успела получить назад благодаря смерти двух реципиентов из Испании и Марокко. На очереди была эта шотландка.

Но уже к середине недели Скай понял, что получить какие-либо сведения о Кристен Игрейн от жителей Хелмсдейла не так-то просто. Стоило ему задать свой вопрос, как у него тут же встречно интересовались: а зачем, собственно говоря, ему понадобилась Кристен Игрейн? После прослушивания короткой легенды большинство из них поступали подобно той девушке на берегу залива – смотрели на «адвоката», как на пустое место, отворачивались и уходили прочь. После пятого опрошенного Скай решил попытать счастья в официальных органах.

Он столкнулся с отчаянно торопящимся клерком из единственного в городе агентства по недвижимости уже на ступеньках, когда тот запирает дверь.

– Я интересуюсь возможностью снять жилье в вашем городе, – быстро проговорил Скай, одновременно протягивая клерку визитную карточку солидной фирмы из Эдинбурга, юрист которой когда-то на приеме вложил ее в руку Ская. Уидден сунул карточку в карман и забыл о ней, а сейчас вновь очень удачно обнаружил.

– Ну, я не знаю... – клерк озабоченно покрутил в руках карточку, золотые буквы на которой явно произвели на него впечатление. – Понимаете, мистер Эванс, я так спешу. Мне позвонили, что жену повезли в больницу рожать...

– Только один вопрос, – успокоил его Скай, – и я отпущу вас радоваться прибавлению в семействе.

– Давайте, – клерк с облегчением улыбнулся.

– Понимаете, я договорился с леди по фамилии Игрейн, что она сдаст мне жилье на время. Но я, олух такой, потерял бумажку с ее телефоном и адресом, и теперь не знаю, куда мне идти...

– Странно, – клерк посмотрел в небо, и Скаю на один ужасный момент показалось, что он тоже сейчас обронит пустяковое замечание о погоде и уйдет, – странно. Вроде бы она ничего не упоминала о желании сдавать дом. Я бы защитил ее интересы... Вы так не считаете, мистер Эванс? – клерк почти агрессивно уставился на собеседника.

Скай поспешил заверить, что ничуть не сомневается в деловых способностях молодого риелтора. Тот слегка успокоился и сразу вспомнил о причине, заставившей его закрыть офис в середине рабочего дня.

– О боже, Лиззи! – он заторопился вниз по ступенькам.

Доведенный до отчаяния и озлобленный Скай крепко схватил его сзади за пиджак и рывком в самое ухо:

– Адрес!

Клерк посмотрел на мучителя дикими глазами.

– Аллисон-роад, 522, – вырвавшись, он добежал до малолитражной машины, припаркованной внизу, и уехал, ни разу не оглянувшись.

Только спустя три минуты Уидден сообразил, что визитка эдинбургского адвоката осталась у защитника интересов К. Игрейн. Ну, не имеет значения, вот пусть потом и разыски-

вают Герберта Эванса из Эдинбурга. Может, это научит его не раздавать свои карточки кому попало...

Скай начал медленно спускаться вниз по ступенькам. Ему оставалось только надеяться, что в помрачении рассудка риелтор не назвал ему своего собственного адреса. Но в таком случае Скай сможет отыскать его и убить. Просто чтобы отвести душу...

На этот раз Керстен уже не удивилась, заметив несущегося ей навстречу по зеленой траве золотисто-рыжего сеттера. Она лишь постаралась утихомирить восторг Ронни до того, как собака попыталась оставить отпечатки испачканных грязью лап на ее белых джинсах.

– Так делать нельзя, – сердито помахала девушка пальцем перед самым носом сеттера.

Ронни сел на задние лапы и высунул почти наполовину розовый язык. Тяжело дыша, он с прежним восторгом смотрел на Керстен. Рассмеявшись, девушка погладила его по голове.

У Керри за всю ее жизнь не было домашних животных – любая аллергия могла иметь тяжелые последствия; и девушка не была уверена, что страдала от этого. Она не понимала сама, что побудило ее на следующий день после встречи с красавцем сеттером зайти в местный зоомагазин, случайно проходя мимо, и купить упаковку популярного сухого корма для собак. А потом два дня подряд, выходя на вечерние прогулки, класть горсть этого корма в карман жакета. На пользу одежде это явно не шло...

– Тебе нравится? – с восторгом проговорила Керстен, глядя, как разноцветные сухие кусочки один за другим исчезают в приоткрытой пасти собаки. Ронни отчаянно вертел хвостом в знак одобрения.

На расстоянии почувствовав нарушение правил, затверженных собакой во время дрессуры, хозяин Рональда появился на подъеме холма, не успело пройти и минуты.

– Рон! – низким колючим голосом проговорил он.

Собака задумчиво посмотрела в сторону прибрежных кустарников, наступив правой лапой на упавший кусочек корма.

Керри испуганно выпрямилась.

– Ради Бога, простите меня, мистер Ровер. Похоже, я порчу вашу собаку... но он такой милый, – не удержавшись, добавила она.

Взгляд Ская немедленно потеплел. Любой хозяин не останется равнодушным к искренним комплиментам, сказанным в адрес любимой собаки. К тому же эта похвала слетела с губ Керри – девушки, напоминавшей ему ангела.

– Мисс Керри, – с максимальной убедительностью отозвался он, – я и сам принял бы из ваших рук не то что лакомство, но даже чашу, наполненную цикутой.

Ему понравилось, что простая девушка из шотландской глубинки явно была знакома с историей Сократа.

– Сдается мне, что сейчас цикута – большая редкость. Проще добыть цианистый калий. И требуется его меньше.

Скай от души рассмеялся.

– Не каждое предложение следует немедленно претворять в жизнь.

– Не каждое, – согласилась девушка. Ее улыбка сначала согрела Ская, потом проникла в самое сердце и ослепила – так что мужчина был вынужден прикрыть глаза. Боль словно рванула глубоко внутри железными когтями. Это Палома Уидден переставала быть центром Вселенной для боготворившего ее брата. Мысль о том, какие красивые получились бы у него от этой шотландки дети, заставила Скайлера пошатнуться, и он с размаху опустился на тот самый камень, на котором три дня назад впервые увидел Керри. Он даже не знал ее фамилии...

– Скай, что с вами? – забеспокоилась девушка. – Вы...

Она неожиданно замолчала, и Скай поднял на нее глаза. Лицо шотландки было искажено страданием, белые зубки впелись в нижнюю губу, а ладонь правой руки она прижимала к груди чуть выше области сердца. Поняв, что возникли проблемы, Уидден вскочил.

– Керри! – взяв девушку за руки повыше локтей, он осторожно, словно имея дело с дряхлеющим паралитиком, помог ей опуститься на отполированную ветрами поверхность камня.

Губы девушки побелели.

– У меня... аритмия, – выдавила она сквозь сжатые зубы. – Сейчас... всё пройдет...

Скай продолжал держать ее за руку, пытаясь вспомнить номер экстренной помощи в Шотландии. Сотовый телефон – как раз для подобных случаев – лежал в кармане его куртки. Но спустя три минуты зеленовато-бледное лицо девушки немного порозовело, а глаза ее заблестели. Она убрала ладонь от груди и немного смущенно взглянула на Скайлера.

– Простите... я не хотела, чтобы вы становились свидетелем таких сцен.

– Конечно, вы предпочли бы умереть в одиночестве, – излишне резко ответил все еще изрядно перепуганный Скай.

Девушка покраснела, опустила глаза.

– Простите.

Уидден не обратил на ее извинения никакого внимания.

– И что, ничего нельзя сделать?

– Врачи уже сделали всё, что могли, – очень тихо отозвалась девушка. – Теперь это происходит редко, только когда я испытываю внезапные и сильные эмоции.

– Так это из-за меня? – помрачнел еще больше Скай.

Керстен отрицать этого не стала:

– Вы выглядели таким... испуганным...

– И было от чего, – заворчал мужчина. – Мне показалось, что я готов влюбиться в вас.

Он ожидал любого выражения ее глаз, но не улыбки, полной радостного недоверия.

– Что вы! Еще ни один мужчина не был влюблен в меня. В том смысле, что я-то не против... – спохватилась очаровательная шотландка. Стараясь скрыть смущение, она задала вопрос. – А почему эта мысль так сильно вас напугала?

Скай Ровер Уидден пожирал ее откровенно голодным взглядом.

– Мне, наверное, стоит рассказать немного о себе. Мне двадцать восемь лет, я не женат и до сих пор не испытывал влюбленности ни в одну женщину мира. Я говорю о целом мире, потому что по делам своего бизнеса бываю везде, кроме, наверное, Арктики и Антарктиды. И на каждом мероприятии, не меньше ста вечеров в год, я должен появляться с привлекательной спутницей. Верите или нет, но для этого мне приходится обращаться в службы эскорта. У меня просто нет такого количества знакомых женского пола...

– А почему вы не женились? – бесхитростным голосом задала очень сложный вопрос Керри.

Скай помрачнел, вспомнив ожидающую его возвращения на остров Эсмеральда Луэллу Нит. Почему-то сейчас мысль о выполнении предсмертной воли сестры уже не казалась столь безусловной. Жениться на Луэлле и мучиться всю жизнь, хотя Паломе по сути это будет уже безразлично?

– У меня уходило почти всё время на воспитание младшей сестры. Потом потребовались деньги на ее обучение, вывод в свет, наряды. И мне пришлось их зарабатывать, – улыбка Ская показывала, что его любовь к сестре несколько от трудных обстоятельств не померкла.

– Ваша сестра должна быть счастлива, имея такого брата, – Керстен несмело улыбнулась Скаю.

Глаза мистера Ровера почти почернели от выражения боли, отразившегося в них, а потом и всё лицо стало угрюмым, уголки рта скорбно опустились вниз.

– Сестра умерла около полугода назад, – он немного подправил дату смерти Паломы. – Погибла в автокатастрофе.

Разделяя его трагедию, губы шотландки задрожали.

– Как ужасно, что Господь первыми призывает лучших из нас, – шепнула она. – Как вашу сестру и...

Скай тут же припомнил короткое упоминание о ее матери.

– Да, и вашу маму тоже, мисс Керри. Когда все помыслы и заботы сосредоточены на единственном человеке, нет ничего больнее, чем потерять его.

Опустив головы, они в разделенном молчании какое-то время погрузились о своих утратах. И пережитая боль странным образом объединила их.

– Мне очень хорошо с вами, мисс Керри. Но я не хочу быть навязчивым, приглашая вас провести со мной вечер. К тому же это, возможно, дурно повлияет на вашу репутацию, ведь я уеду, когда закончу свои дела в Хелмсдейле, а вы останетесь...

– Вы счастливчик, – вздохнула Керстен, – что можете приезжать и уезжать так легко. А я ничего не видела в своей жизни, кроме этого города...

– Может быть, всё еще переменится, – Скай не был пока настолько уверен в своих чувствах, чтобы давать какие-то обещания. – А пока, мисс Керри, – он подал Керстен руку, помогая ей подняться с камня, – может, вы составите мне компанию в прогулке вдоль берега и я смогу показать вам снятый мною дом? Я всегда буду рад видеть вас гостьей в нем...

Ирландский сеттер Ронни вилял хвостом, изо всех сил подтверждая приглашение своего хозяина.

Первую загадочную посылку Керстен Игрейн обнаружила у порога своего дома в понедельник. Она собиралась выйти в сад, чтобы прополоть оставшиеся на память о матери розы. То ли красивейшие цветы с изумительным запахом действительно тосковали по рукам покинувшей их хозяйки, то ли их одолевали вредители, но на второй месяц после смерти Кристен начали засыхать и безвозвратно завяли пурпурные «Бренненде Либе», и Керстен с большим трудом удавалось поддерживать кремово-желтые розы в центре сада. Она любила цветы и природу, но никогда на самом деле не понимала, как можно тратить столько драгоценного времени на уход за ними. Магия дерева тянула Керстен к себе и завораживала, а растения миссис Игрейн день за днем оставались предоставленными самим себе. Но, проснувшись в понедельник утром, Керстен Игрейн твердо решила начать утро с прополки роз.

Она надела голубое хлопковое платье, уложила длинные волосы косами на голове и, вооружившись всеми необходимыми инструментами, решительно открыла дверь дома.

Коробочка размером десять на десять сантиметров, обернутая в блестящую подарочную бумагу с бантом, дождалась ее внимания на коврике с гаэльской надписью «Мой дом – твой дом», вышитом, как и всё в доме, руками Кристен. Ее мать не особенно любила общественную жизнь и всё свое время посвящала украшению дома. Дом и розы, и прекрасные нежные воспоминания – всё, что оставила в наследство своей дочери Кристен Игрейн. И еще новое сердце.

Оглядев на всякий случай окрестности, Керри подняла коробку с коврика и осмотрела ее очень внимательно – соседство с постоянно воюющей Ирландией не проходило для шотландцев даром. Карточки отправителя на коробке не было, но внутри ничего, по крайней мере, явственно не тикало. Хотя сейчас, кажется, уже изобрели бесшумную пластиковую взрывчатку...

Только то, что подсознательно Керстен была готова к плохому содержанию посылки, и спасло ее от сердечного приступа, который в ее состоянии неминуемо закончился бы смертью. Да еще то, что Керстен не сразу поняла смысл этого содержимого.

Нет, внутри не лежало отрубленных частей человеческого тела или цыплят со свернутой шеей. Там даже не было бомбы. Только прозрачный хрустальный шар, внутри которого была

закупорена горсть тяжелого серого пепла. И маленькая, грубо сделанная кукла – девушка в национальном шотландском наряде с пришитым на одежду в области груди кусочком шелковой красной ткани. Нашивка тоже была сделана неумелыми руками и изображала сердце.

Керстен задумчиво покрутила в руках обе вещи, не совсем понимая, что они означают. На обратной стороне шара она обнаружила приклеенную полоску липкой бумаги, на которой было нацарапано кривыми буквами – как будто писали уже поверх шара или пытался изменить почерк человек, не имеющий никакого навыка в этом деле: «Это Палома. Она мертва...». На ноге у куклы болтался ярлычок, и надпись на нем продолжала фразу: «...а это ты, Игрейн. И ты жива. Это несправедливо. Верни сердце Паломы».

Словно обжегшись, Керстен уронила обе вещицы обратно в ящик и оттолкнула его от себя.

– Гадость! Гадость, – пробормотала она уже тише. Ящичек покачнулся на краю стола и упал. Всё его содержимое высыпалось на пол, и Керстен почувствовала, что не может отвести от куклы и шара глаз. Эти предметы словно гипнотизировали ее, заставляя сердце биться болезненно неровно.

Все шутки на сердечные темы Керстен вообще воспринимала без юмора, а эта к тому же была дурного тона. Слишком мало прошло времени после операции Керри, слишком свежа была память о прежней слабости, когда девушка не могла сделать лишнего шага и не начать задыхаться, чтобы разговоры о смерти не наводили ужас на Керри. Нет, не о смерти – о возможности лишиться ее нового сердца. Это было похуже смерти для Керстен Игрейн.

Обходя стол, Керри почти наступила на голову упавшей куклы, но, вовремя заметив ее, с визгом отдернула уже занесенную ногу. Остановившись, Керри с недоумением разглядывала разбросанные по полу предметы – она успела уже забыть об их существовании. Но это не значило, что она собиралась марать руки, подбирая их сейчас. Керстен какое-то время раздумывала, покачиваясь взад и вперед на кончиках пальцев ног, обутых в яркие оранжевые кроссовки.

Наконец удачный выход был найден. Придерживая совком подарочный ящик, веником Керстен замела обратно в него бывшее содержимое и всё это затолкала в самую середину набитого мусорного пакета. Поддерживая выпирающий пластиковый бок коленом, она с трудом затянула сверху завязки и поволокла мешок к выходу. Неясные угрозы таинственного корреспондента не очень-то ее напугали, хотя в голове, пока Керстен рассматривала примитивную куклу, откуда-то всплыли неприятные ассоциации с вуду.

Верни сердце Паломы... Странно, Керстен была уверена, что никогда раньше не слышала этого имени. Стоя на пороге собственного дома, Керстен глубоко задумалась. Палома... Кажется, по-итальянски – или на одном из сходных языков – это означает "голубка". Но вряд ли эту посылку ей прислал помешанный любитель легкокрылых птиц – из тех, кто вечно выступает "из принципа" против любых вмешательств в природу, как животную, так и человеческую. Но при этом, как только что-то случается у него самого, он бежит к врачам.

Выставив мешок на дорогу, чтобы машина мусорщиков забрала его после обеда, и слегка задыхаясь от затраченного усилия, Керстен вернулась в дом. Прошла на кухню, собираясь приготовить себе чашку чая без кофеина, достала чайный пакетик... и замерла над столом с бурлящим чайником в руке. На коже Керри выступила холодная испарина от поразившей ее мысли. А что, если неизвестная Палома была ее донором? И теперь кто-то из ее родственников, не подписавший согласия на трансплантацию, пытается известить ее, считая Керстен сосредоточием всех грехов современного мира. Девушка негромко выругалась. Скотина... только этой проблемы ей еще и не хватало! Кто знает, удастся ли ей убедить этого ненормального, что даже церковь уже разрешила подобные операции... А если он так и не покажется?

Спустившись в мастерскую, Керстен взяла в руку кусочек светлого бука, подготовленного ею для фигурки Иисуса Христа. Религиозные темы оставались всегда самыми любимыми для

нее – так Керстен могла считать, что компенсирует Богу усилия, потраченные на ее перерождение. Сделав разметку специальным карандашом и опустив на глаза очки, защищающие от древесных стружек, девушка занесла над будущим произведением искусства резец. Палома... интересно, какая она была?

Резец соскользнул и оставил глубокий след на пальцах Керстен. С проклятьем откинув инструмент, девушка истерически разрыдалась. За что, за что жизнь наказывает ее? Она всего лишь хотела жить, быть полноценным человеком! Замена митрального клапана помогла продлить ее жизнь хотя бы на 10-15 лет. В противном случае у нее не было никаких шансов дотянуть и до возраста, в котором умерла ее собственная мать. Кристен Игрейн также страдала болезнью Чагаса, передав ее по наследству дочери, и почти всю ее жизнь находилась под наблюдением врачей из Центра сердечных заболеваний в Инвернесе. Аптечка в доме миссис Игрейн была полна диуретиков, бета-блокаторов и антиаритмических средств. Медикаментозные способы лечения сердечной недостаточности позволяли улучшить состояние больного, но не решали проблемы кардинально, поэтому и Кристен, и Керстен Игрейн обе стояли на учете специалистов в ожидании операции по трансплантации сердца. Но сложность состояла в том, что донорских сердец было не так уж много, а здоровье больных ухудшалось с каждым днем. И когда доктор Уорнесс позвонил, чтобы сообщить о возможности сделать одну операцию, между матерью и дочерью пришлось делать выбор. Его сделала Кристен. Она даже не сообщила своей девочке о том, что выбор был возможен. Просто собрала вещи Керстен и отвезла ее в госпиталь. И потом навещала дочь в Инвернесе почти каждый день, несмотря на то, что его отделяло от Хелмсдейла более ста километров. Керри пробыла в госпитале около месяца под наблюдением врачей, которые опасались отторжения тканей, инфекции и всего на свете. Их страхи не оправдались – молодой организм Керстен Игрейн с готовностью принимал новую жизнь. Снабженная подарочным набором лекарств и строгими указаниями насчет диеты, в феврале Керстен была отпущена домой. Кристен Игрейн умерла в начале апреля. Рассказ доктора Уорнесса сразу после похорон Кристен о жертве, принесенной матерью ради дочери, глубоко потряс Керстен. Она плакала, проклинала небеса, не давшие ей выбора... но постепенно приняла с благодарностью и оценила великий дар матери. Кристен стала для нее святой, пусть даже жители Хелмсдейла до последнего дня считали ее странной и нелюдими отшельницей.

Керстен растерянно посмотрела на кровь, капающую на стол с ее пальцев. Ну нет, она не позволит какому-то идиоту свести на нет всё, что сделала для нее мать! Она разыщет его... В наружную дверь громко постучали, и сердце девушки испуганно трепыхнулось. А если это он...

– Мисс Керстен, вы дома? – донесся знакомый голос Джейми Гилберта, вывозившего в Хелмсдейле мусор.

С облегчением переведя дыхание, Керстен встала.

– Я уже иду! – крикнула в ответ она, поднимаясь по лестнице из мастерской. Здоровой рукой она приоткрыла дверь. – Здравствуй, Джейми. Что-то случилось?

Парень неловко переступал с ноги на ногу, сминая в огромной ладони бейсболку и избегая смотреть в глаза Керстен.

– Там такое дерьмовое дело, мисс Керстен, уж извините меня...

– Да, Джейми? – попыталась подбодрить его голосом Керри, глядя, как кровь капает с порезанных пальцев на ковер у двери.

Мусорщик судорожно вздохнул.

– Наверное, мальчишки напакостили. Ваш мешок весь изрезан, и мусор лежит кучей прямо на дороге. Не подбирать же мне его...

Керстен от неожиданности и негодования громко вскрикнула. Джейми принял этот звук за возмущение его приходом.

– Мисс Керстен, я, конечно, могу, но... – он поднял глаза от коврика у двери, увидел кровь на руке Керстен и испугался еще больше. – Господи Иисусе, что такое с вами, мисс Керстен?!

– Порезалась, – Керри улыбнулась ему плотно сжатыми губами, – только что. Ты подожди, пожалуйста, Джейми, я сейчас только перевяжу руку и всё там подберу. Наверное, ты прав, это мальчишки, кому же еще так развлекаться...

– Мисс Керстен, даже не думайте! – Джейми Гилберт возмутился. – Мне, что, трудно кучку мусора подобрать? Тем более что у меня есть специальные перчатки. А вы еще сразу какую занесете...

– Джейми, ты святой, – Керри смотрела на него с восхищением. – Я буду ужасно благодарна. Я тебе сейчас новый мешок дам. А потом приходи, я угощу тебя чаем или «Кока-колой». На улице чертовски жарко, ты, наверное, устал...

– Спасибо, мисс Керстен, – Джейми смущенно улыбнулся. – Я все сделаю за пять минут...

Вторая посылка всё в той же подарочной бумаге появилась несколько дней спустя, когда Керстен уже успокоилась, хотя и была уверена, что изрезанный мешок с мусором был делом рук того же недоброжелателя. Прошедшие в полном спокойствии четыре дня дали ей основание надеяться, что ненормальный преследователь уехал восвояси, ограничившись всего двумя выходками. Но, возвращаясь с вечерней прогулки, на которой она опять встретила Ская Ровера, Керстен уже в десяти шагах заметила коробку, поджидающую ее у двери. И приподнятое настроение, вызванное откровенными ухаживаниями молодого красавца, моментально испарилось.

Керстен застыла на садовой дорожке, разглядывая коробку с таким выражением на лице, словно притаившуюся у двери змею. Лучшим выходом, конечно, было бы сразу выкинуть этот "подарок" в контейнер для мусора, даже не распаковывая его. Или отвернуться и уйти, надеясь, что он исчезнет сам по себе. Но позволить какой-то коробке выгнать себя из собственного дома? Керстен достала из нагрудного кармашка блейзера ингалятор с антиаритмическим препаратом, не отрывая от коробки взгляда, брызнула себе в рот. Теперь она была готова сразиться с этой гадостью.

Держа коробку двумя пальцами за бант, Керстен Игрейн положила ее на садовую скамейку, решив даже не заносить в дом. Осторожно дернула за конец банта, а потом, мгновенно передумав и справившись со своим любопытством, решила не заглядывать внутрь, чтобы не расстраиваться. Подняла коробку за бант и понесла за ворота участка, чтобы сразу выбросить в мусорный контейнер, установленный на улице в ста шагах от ее участка. Но коробка выскользнула из ослабленных лент, ударилась о дорожку и развалилась, сделав это медленно и элегантно. На пыльной дорожке осталась лежать маленькая подушечка из алого шелка, сделанная в форме сердца и очень красивая, с вышитой посередине желтыми нитками голубкой. Необыкновенная красота вышивки приковала взгляд Керстен, заставив пренебрежительно отнестись к остальным составляющим посылки. Свернутая в круг волосяная веревка и записка, прицепленная к ней, упали на обрамляющие дорожку куски булыжника и выглядели очень живописно в окружении пробившихся через камни длинных зеленых сорняков.

Поколебавшись, Керстен наклонилась, чтобы прочесть записку, хотя понимала, что ничего хорошего для себя она там не найдет. На этот раз почерк был более естественным – и более мужским, буквы имели такие очертания и цвет, словно текст был написан в спешке, но дорогой, с тонким пером ручкой. «Палома ждет, Игрейн. Сделай это сама».

Фыркнув, Керстен с презрением отвергла мысль о том, что она повесится из-за какого-то недоумка – да еще на этой грубой, царапающей кожу веревке. Пожадничал прислать ей шелковую удавку... Нет, этот человек – не джентльмен! Поймав себя на этой высокопарной мысли, Керри начала хохотать, вспугнув бредущую по дороге курицу. Та возмущенно заквохтала, немного подпрыгнула, хлопая по земле крыльями. Керри бросила в нее завалившимся в

кармане кусочком собачьего корма, понимая, что Ронни не оценил бы такого обращения с его любимым лакомством. Курица тоже не выглядела польщенной, с невероятной скоростью улетающая по дороге вдаль. Керри снова расхохоталась, хотя первое веселье, почти истерическое, уже прошло, и веревка теперь казалась ей противной змеей, свернувшейся между камнями.

Керстен огляделась в поисках предмета, который мог бы помочь ей в уборке мусора. Длинная палка, служившая при жизни матери шестом для садового флага, подходила идеально, ее все равно давно следовало убрать. Поднатужившись, Керстен вытащила шест из земли и поддела дальним концом свернутую веревку вместе с запиской на ней. Стараясь даже лишнего раз не смотреть на подброшенную в ее сад гадость, Керри донесла веревку на шесте до мусорного контейнера, нисколько не заботясь о том, что могли бы подумать случайные прохожие, заметив ее с этой палкой на плече. Где-то в глубине души она даже мстительно надеялась, что свидетелем этой сцены станет терроризирующий ее маньяк. Может быть, его отрезвит отношение жертвы к его выходкам?

Но за нею никто не наблюдал, Аллисон-роад была абсолютно пустынно в обоих направлениях. Расправившись с мусором, Керстен вернулась в дом. Почти вернулась, когда упавшая на дорожку подушечка вновь привлекла ее внимание. Влекомая неведомой, но оттого не менее настойчивой силой, Керри Игрейн подошла к шелковому сердечку с голубкой. Подушечка выглядела так... невинно, так свято, словно была особой ценностью для какого-то человека. Керри нагнулась и, подчиняясь внезапному импульсу, схватила подушечку, собираясь унести ее в дом.

– Вот так и в Трою попал конь с римлянами внутри, – грустно прокомментировала она уже в гостиной, выбирая самое эффектное место для подушечки на каминной полке.

Весь день Керстен спокойно занималась резьбой, даже не вспоминая о вчерашней истории, и лишь редкий взгляд на подушечку-сердце, украшающую каминную полку, заставлял двигаться ее мысли в другом направлении. Она бы убрала подушечку с глаз долой, если бы почувствовала, что та отнимает у нее силы; но красивая мягкая вещица, похоже, только делала ее энергичнее. Неизвестный маньяк просчитался, намереваясь своими посланиями напугать и обезоружить ее. А ночью Керстен приснилась незнакомая девушка, очень красивая светлая блондинка, нежное лицо которой портил только капризно изогнутый рот и взгляд пресыщенной куртизанки. Она равнодушно смотрела на Керри, поставив локоть на дверцу открытой спортивной машины, и Керстен понимала, что это и есть неведомая Палом, сердце которой жило теперь в ней. Проснувшись, девушка первым делом схватилась за карандаш, но в рисовании по бумаге она не была так уж сильна, поэтому получившийся портрет не удовлетворил ее. Раздраженно вырвав лист из альбома, Керри сунула его в папку между другими – удачными и пустяковыми – эскизами.

В шесть часов вечера она начала испытывать смутное беспокойство, откуда-то зная, что Скай Ровер, ее новый загадочный и такой привлекательный друг, вместе со своим сеттером уже дожидается ее на берегу. Казалось, что она может читать его мысли, чувствовать его нетерпение и легкое раздражение от того, что приходится ждать, а уйти невозможно, немислимо.

Накинув жакет, Керстен было занесла руку над папкой с рисунками, собираясь притвориться, что идет на берег залива рисовать, но потом передумала. Какой смысл таскать с собой тяжести, если – она понимала – она даже не откроет этой папки с видами Мори-Ферта. Скай Ровер понимал ее чувства не менее хорошо, чем она – его собственные. Керстен, переживающей первое сильное романтическое увлечение, уже казалось, что они созданы друг для друга.

Стоя на самом краю обрыва, Скай Ровер Уидден смотрел на серые воды шотландского залива и ругал себя последними словами. Он совсем потерял голову от очарования этой девушки с золотыми косами. Быть влюбленным, конечно, замечательно и приятно, но испытывать маленькое, легкое чувство Скай не умел, отчего и страдал всю жизнь. Его эмоции были сильны и катастрофичны, как вселенский потоп. Любовь, ненависть, месть Скай Уиддена оди-

наково наносили травму людям, ставшим объектами его чувств. Своей болезненной, мучительной страстью он душил женщин, не отпуская их, и, зная за собой такие качества, Скай не хотел любить девушку по имени Керри. Она была молодой, сильной, божественно прекрасной, а он был чудовищем, стремящимся заточить ее в клетку. Он мог научить ее только слезам, грусти и ненависти к своему тюремщику – всему тому, что испытывала к нему Палома. Да, конечно, сестра улыбалась ему вполне искренне, бросаясь на шею при его приездах, но уже через несколько часов атмосфера в доме начинала тяготить ее. Брат хотел знать всё, что она делала в его отсутствие, вплоть до того, что и во сколько она ела на завтрак, какие фильмы смотрела по кабельному ТВ, к кому ездила в Палома-Сити. Внутренний бес подначивал Палому рассказывать Скаю деликатные подробности про своих бесчисленных любовников; брат морщился, но молчал. Поведение богини не соответствовало его высоким стандартам, но маленький остров Эсмеральда не предоставлял особых возможностей поменять ее. Обожать Луэллу Нит, подругу сестры, постепенно превратившуюся в его невесту, было делом, обреченным на успех с самого начала. Луэлла сама считала себя персоной, достойной самого величайшего обожания, выражающегося, в том числе, и в материальной форме. Скай Ровер Уидден не был бедным человеком и с удовольствием осыпал бы жену подарками и драгоценностями. Эта черта его характера была тем, что влекло и прочно держало возле него Луэллу, несмотря на просто кошмарный, по ее мнению, характер избранника. А показная меркантильная нежность и терпеливость Луэллы заставляла Ская обращаться с ней еще хуже. Они поссорились перед самым отъездом Ская, и взбешенная Луэлла прямо обвинила его в желании "смыться", чтобы не оформлять официальные отношения с ней. Наверное, она слишком много позволяла ему в постели, и он решил, что в сексе ничего нового Луэлла не может ему дать. Поэтому она покидает его, бесчувственного болвана, и не меньше, чем на полгода, чтобы он понял, что значила для него Луэлла Нит. И тогда он приползет к ней на коленях, умоляя вернуться... Скай искренне надеялся, что в отношении времени, данного ему для передышки, Луэлла не солгала. Не его вина, если она вернется на остров Эсмеральда, когда возвращаться будет уже не к кому...

Рональд первым почувал приближение Керри и радостно начал вертеться у ее ног.

– Ронни, Ронни, мое сокровище, мой красавчик! – умилилась, присев на корточки, девушка. – Клянусь, за этот день ты стал еще красивее, словно загорал под солнышком...

Раскинувшись на спине и задрав лапы в воздух, Рон откровенно наслаждался почесывающими движениями женских пальцев. На его морде было написано скромное признание своих достоинств: "Да, я такой – красивый, добрый, ласковый и ужасно умный».

Скай встал рядом на колени и тоже запустил руки в густую шерсть Рона. Пальцы их встретились.

– Привет, Скайлер, – почти шепотом проговорила шотландка. Щеки ее стали пунцовыми, а пальцы, напротив, ледяными.

– Привет, – забыв все свои клятвы и обещания, Скай с жадностью любовался склоненным женским профилем. И не удержался, чтобы не спросить. – А твоя мать тоже была такой красивой, Керри?

– Мама? – Керстен сначала удивилась, а потом лицо ее просияло. – Что ты! Моя мама была не просто красивой, а необыкновенной. Ты бы умер от восхищения, встретив ее.

– Увы, мне не повезло умереть такой прекрасной смертью! – шутливо вздохнул Скай. – Но я могу умирать «маленькой смертью» каждый раз, когда буду смотреть на тебя. Ты знаешь, что французы называют "la petite mort"?

– Нет, – Керстен невинно улыбнулась. – Что?

Скай замялся, на щеки его начал наползать румянец.

– Не скажу.

– Почему? – возмутилась Керстен.

– Ты все равно не поймешь.

– Я, что, похожа на дурочку? – интонация шотландки сразу похолодела на пару десятков пунктов.

– Здесь не в уме дело. Чтобы это понять, нужен любовник. У тебя есть любовник, *petite*?

– А... – Керри выглядела разочарованной. Но не сдалась. – Значит, ты никак не можешь мне этого объяснить?

– Никак, малышка, – нежно прошептал Скай. Его лицо еще немного приблизилось к лицу Керстен. Про лежащего между ними Ронни все позабыли.

– В таком случае, может быть, – девушка глубоко вздохнула и очертя голову ринулась вперед, – ты станешь моим любовником, и проблема будет решена?

Тяжелый хрип вырвался из груди потрясенного Ская.

– Может быть, – еще нежнее пробормотал он, прежде чем прикоснуться губами к губам Керри. И девушка начала проваливаться в мягкие, нежные, окутывающие ее мечтательные облака. Целоваться было так удивительно и приятно... Теплое и пушистое облако по имени Рон, на которое она слишком сильно оперлась рукой, протестующе взвизгнуло, извернулось и столкнуло руку Керри с себя. Потеряв равновесие, девушка замахала руками.

– Ай! Ай! – и начала падать. Приземлилась она в объятия Ская, но мужчина тоже не удержался, и они вместе упали на траву, Скай первым, а Керстен – на него.

Сначала они оба казались ошеломленными таким исходом, но Скай тут же сориентировался в ситуации, и его поцелуи показались Керри еще восхитительнее теперь, когда их тела плотно соприкасались. Скай был таким большим и мужественным, и от него замечательно пахло...

Скай пришел в себя, когда женщина в его руках замурлыкала, как довольная кошка. И ужаснулся: что он делает? После всех его клятв, данных самому себе, и обещаний он снова трогает эту девушку, более того, обнимает ее и целует. Скай понимал эмоциональный заряд Керри, желание девушки любить и быть любимой – возможно, что ее до этого даже никто и не целовал, судя по тому, с каким энтузиазмом и неумением подставляла она ему свои губки. Но себя Скайлер Ровер Уидден понять отказывался. Он никогда не был помешан на сексе, придавая ему даже не второстепенное значение, и эти его потребности вполне удовлетворяло еженедельное посещение Луэллы Нит. А когда Луэлла уезжала, Скай преспокойно обходился без женского общества. Он вообще не мог припомнить случая, чтобы его возбудила эротическая сцена из фильма или предмет женского белья, или какие-то фотографии. И только общение с юной шотландкой с золотыми «зайчиками» в волосах заставило его перебить все свои рекорды. Это-то и делало его столь опасным для Керри – медленно нарастающее желание сделать ее своей полной и абсолютной собственностью.

– Керри, милая, что мы делаем...

– Ты жалеешь? – ее лицо было так близко к его собственному, что Скай ощущал дыхание девушки на своих губах.

– А ты? – мягко ответил Скай вопросом. – Я не из тех мужчин, кто способен подарить женщине счастье.

Керстен горланно, с легкой хрипотцой рассмеялась, выказывая легкомысленное равнодушие к его словам.

– Считаю, что я предупреждена. В конце концов, моя мать тоже родила меня без мужа.

Лицо Ская изменилось, и было заметно, что страсть покинула его окончательно.

– Я подобного не допущу, Керри. Мой ребенок не будет расти без отца. Если я узнаю, что какая-то женщина ждет от меня ребенка, я немедленно женюсь на ней. Даже если взаимные чувства давно остыли.

– Я запомню, – глаза Керри лукаво сверкнули. Но тут же она погрустнела. – Очень жаль, но мне иметь детей нельзя. А я бы хотела...

– Это из-за той операции, которую тебе делали в феврале? – Скай переменял позу и сел, прислонившись спиной к камню. Голова Керстен легла ему на колени, а Рон примостился под боком у девушки, и пальцы ее левой руки нежно перебирали его шерсть. Скай снова почувствовал резкий болезненный приступ душевной тоски – именно так он мечтал проводить время отдыха со своей семьей. И понимал, что ждать подобного от Луэллы Нит будет напрасно.

Шотландка глубоко вздохнула.

– Да. Это не значит, что я не могу иметь детей вообще. Я НЕ ДОЛЖНА этого делать сейчас. Ну, и еще пару лет, наверное... Операция была большим стрессом для моего организма, – монотонно проговорила она заученные слова.

– А я не уверен, что могу стать хорошим отцом, – Скай слегка искажил собственные мысли, чтобы успокоить ее. – Я не знаю даже, с какой стороны подступаться к младенцу.

– Многие не знают, – рассмеялась Керри. – Но думаю, если нам доведется стать родителями, мы научимся.

– Я не уверен, – осторожно начал Скай, – что у наших отношений есть будущее, дорогая. Я покину Шотландию, как только закончу свои дела, максимум через месяц, и очень не хочу, чтобы ты страдала из-за разбитых иллюзий.

Керстен долго молчала, опустив голову.

– Ты начинаешь мне надоедать, – наконец проговорила она сквозь сжатые зубы. – Ты все время кудахчешь и предостерегаешь, как курица-наседка или шекспировская ведьма...

– Насколько я знаю, шекспировские ведьмы не особенно увлекались нравочениями, – в голосе Ская звучала обида.

Керстен тут же почувствовала ее, села и порывисто обняла его.

– О, дорогой, прости меня! Ты такой добрый и заботливый. Но я же сказала, что готова потом немного пострадать, если сейчас использую свой шанс пожить полной жизнью. Я достаточно долго существовала в стерильных условиях, теперь я хочу обжечься и страдать от ожога. Но, по крайней мере, я буду на собственном опыте знать, что такое огонь. Дорогой... – она робко положила ладонь ему на колено, просительно заглядывая в глаза, – давай считать, что мы договорились?

Не выдержав, Скай рассмеялся, и вся обида его растаяла без следа.

– Да, милая, – он обнял Керри, – договорились. Ты будешь прекрасной бабочкой, кружащей над моим огнем. Бабочка обожжет свои крылышки и погибнет, а у огня будет целая жизнь, чтобы скорбеть и плакать, что он погубил такое изумительное создание.

– Не кисни, – бодро посоветовала Керстен. – Пойдем лучше прогуляемся.

Взявшись за руки, они долго бродили по берегу Мори-Ферта, не чувствуя заметно остывшего к вечеру ветра и обмениваясь почти целомудренными поцелуями. Рон весело бегал рядом, нисколько не обижаясь, что на него не обращают внимания. Он играл с пенными волнами, набегающими на берег и оставляющими, уходя, белые «барашки» на песке. Керри и Скай с улыбками наблюдали за тем, как Ронни останавливался мордой к волнам, занимал охотничью стойку, приподняв переднюю правую лапу, и ждал, пока волна подкатится поближе, чтобы изо всех сил шлепнуть по ней лапой, разбивая ее. А потом долго заливисто лаял, доказывая свою победу над природой. Но к тому времени, когда темнота окутала город, утомился и он, и лег спать у ног двух влюбленных, любовавшихся звездным небом с веранды дома Ская Уиддена.

– Керри, – Скай глубоко вдохнул свежий цитрусовый запах, исходящий от девушки, – я настолько счастлив, что в этом есть что-то опасное. Такое состояние не может длиться вечно. Скоро я проснусь, и звезды будут затянуты тучами, а вместо пения птиц – уныло квакать лягушки...

– Пессимист! – нежно упрекнула его Керстен. – Лягушки не квакают, они так ПОЮТ. Это их высшая форма самовыражения. А тучи нужны для того, чтобы напоить умирающую от

жажды землю. А грусть – для того, чтобы сильнее почувствовать после нее радость и счастье. Не бывает мир без теней, мой любимый. Даже я, безнадежная провинциалка, знаю это.

Скай почувствовал, что горло у него пересохло и он не может выжать из себя даже звук. Что же ему делать? Если сейчас он покинет эту шотландскую девушку – молодую, мудрую и прекрасную, такого сокровища он не найдет больше никогда и нигде. В этом Скай Уидден не сомневался, а он достаточно повидал женщин и мир. Керри заставляла его смеяться и плакать, видеть прекрасное в самом неприглядном, слышать музыку в воздухе, разлитую вокруг них. Но что он мог предложить ей, чтобы она бросила свою родину и уехала вслед за ним? Любовь? Он не знал женщин, способных променять спокойную устоявшуюся жизнь на такое эфемерное чувство – любовь.

– Зачем ты предлагаешь мне так много, зная, что я все равно уеду? – этот вопрос мучил его.

Керстен легко улыбнулась, скрывая за этой улыбкой кольнувшую ее в самое сердце боль.

– Жизнь – сама по себе риск, любимый. Страх быть отвергнутой или что-то потерять – еще не повод, чтобы никому не отдавать свое сердце. Глупо бояться того, чего ты не испытал.

– Ты – настоящее собрание афоризмов, ангел мой, – Скай откинулся на спинку дивана, прижал к себе Керстен и судорожно зевнул. Потом еще раз. – Боже, прости меня, дорогая. Я сегодня порядочно потрудился, а встать пришлось очень рано, еще до рассвета. Я ездил в Инвернесс.

– Я тоже туда собираюсь через пару дней. Мне следует показаться врачу и отвезти новую партию резьбы на продажу. В последнее время меня почему-то привлекает птичья тема, особенно голуби. И голубки. А как продвигаются твои поиски той женщины, Игрейн? – осторожно проговорила ничего не забывшая Керстен.

Она напряженно ждала ответа, но тело Ская было расслаблено и сверху доносилось тихое мерное сопенье. Он спал. Керри еще немного полежала на его плече, перебирая разбегающиеся мысли, а потом тихо, стараясь не разбудить любимого, выскользнула из-под оберегающей ее руки. Она отыскала сложенный на кровати в доме плед, укрыла им спящего Ская и, разгладив поцелуями морщинки между его бровями, отправилась домой по берегу залива, глядя, как заговорщически подмигивает ей желтая луна.

Первые подозрительные звуки Керри услышала утром, когда еще не рассвело. Она сама не понимала, что разбудило ее. Перед тем, как открыть глаза, она видела во сне что-то ужасное, от чего она пыталась убежать, но ноги вязли в липком тумане, который тянулся к ней своими грязно-серыми отростками, напоминающими гротескные щупальца, вызывая на коже холодный озноб. Туман залеплял рот Керри, мешая кричать, призывать на помощь, и не было сил разорвать плотный кокон, обматывающийся вокруг нее.

– Игрейн, Игрейн! – шелестели над головой девушки листья мрачных вековых дубов. Их хищным ветвям ее маленькая фигурка тоже казалась желанной добычей...

Вскрикнув, Керстен вырвалась из объятий кошмара и села в постели, тяжело дыша. Ночная рубашка душила ее, дом насквозь продувал ледяной ветер – наверное, она забыла закрыть в мастерской окно.

– Игрейн...

Девушка застыла, сраженная ужасом. Сердце сначала сжалось, а потом перешло в неритмичный галоп. Керстен громко застонала от боли и ужаса.

– Игрейн...

Нет, шепот ей не почудился. Таинственным образом он пробрался из кошмара в реальность и теперь – низкий, с хрипотцой – разносился по всему дому.

– Игрейн, Паломе тоскливо без ее сердца. Она грустит...

«Голос с того света» был почти материален, он стлался, словно туман из ее сна, по полу спальни, хрипел над самой головой девушки, вызывая нестерпимое желание зажать уши и кричать, кричать...

– Игрейн... – звал ее за собой неведомый голос, – это не твое сердце... не твое сердце... сердце...

Чуткое ухо Керстен сразу почувствовало неладное: эхо было явно фальшивым. То ли привидение, посетившее ее дом, было молодым и неопытным, то ли... оно не было привидением. И в свете последних событий Керри склонялась к последнему. Замогильные подвывания неожиданно перестали вызывать у нее страх и повергли в дикую ярость.

– Ну же, скотина, покажись! Где ты прячешься, негодяй? – бормотала Керри, расшвыривая подушки в разные стороны. Забыв о способности здраво мыслить, она действительно собиралась искать злоумышленника под своей кроватью.

Но враг скрывался, его не было ни там, ни в кладовке под лестницей, ни в пустующей после смерти матери спальне. А навязчивый голос снова принялся за ее фамилию, простуженно сипя:

– Игрейн, Палома хочет вернуть назад свое сердце...

Керстен была удивлена так сильно, что даже на минуту приостановила поиски. Девушка из ее сна совсем не показалась ей особой, часто использующей свое сердце в житейских делах. Сердце красавицы Паломы должно было быть тверже камня. Но было ясно, что человек, терроризирующий ее, Керстен, видел ту девушку совсем в другом свете. В розовом. В свете любви.

Реплики «привидения» не отличались разнообразием, но Керри все же чувствовала, что кончики пальцев онемели от ужаса, а губы дрожат. Где же он прячется, ее мучитель? Самым обидным было понимание того факта, что она ничего, совсем ничего не могла ему сделать, когда найдет его, разве только пырнуть кухонным ножом. Но потом ей придется доказывать, что она не превысила пределов самообороны...

Споткнувшись о край загнутого ковра, Керри упала, сильно ударившись лбом о пол. Когда туман перед глазами рассеялся, она сразу не встала, продолжая тупо смотреть на лежащую между ножками дивана коробку, из которой торчали какие-то провода. Насколько Керри помнила, во время последней уборки дома этой вещи здесь не было. И хрипяще-завывающий звук был слышен здесь сильнее всего, царапая нервы. Керри не была настолько провинциалкой, чтобы не знать, что такое портативный магнитофон.

– Так, – Керстен ощутила удовлетворение воина, обнаружившего врага в засаде раньше, чем тот успел выпрыгнуть на него оттуда. Она осторожно потянула за проводок, тот выскочил из крепления, и зловещий голос в ее спальне смолк на полуслове.

Керстен поднялась на ноги.

– Убью, – решительно проговорила она.

Возможно, этот портативный магнитофон был чудом электротехники, и внешнее оформление панели вызывало эстетическое восхищение у всех, кто смотрел на него. Может быть, он был произведен на Тайване или даже в самой Японии. Возможно, при создании его корпуса и сложных механизмов были использованы передовые технологии и редкие металлы. Но когда Керстен Игрейн, мстя за испытанные ею страхи, закончила ударять по нему кухонным молотком для отбивки мяса, магнитофон больше не был дорогим и высококачественным. Он даже больше не был магнитофоном. Просто вызывающая жалость кучка железного лома, из которой местами торчали оторванные хвостики коричневой пленки.

Керстен сгребла пластиково-металлические останки на деревянную доску, служившую ей опорой при резьбе, и выбросила то, что раньше было магнитофоном, прямо на дорогу, ведущую мимо ее дома. Если этот ублюдок, пытающийся довести до смерти больного человека, появится, чтобы посмотреть, как работает его «аттракцион», пусть видит, что она думает о нем и его фокусах.

Вернувшись в дом, Керстен расплакалась. Напряжение вокруг нее нагнеталось, как электричество в воздухе перед грозой. А что, если негодяй не отступит? Неужели, разуверившись в психологическом воздействии, он, этот мужчина, сможет просто прийти и убить ее? Ведь ее гибель будет означать, что Кристен умерла напрасно... Интересно, если бы это сердце, сердечный клапан достался бы ее матери, истязал бы негодяй подобным образом и Кристен Игрейн? В таком случае, Керри могла только порадоваться, что Кристен уже не способна испытывать никакие муки. Без сомнения, маме сейчас хорошо в раю. Возможно, она даже стала ангелом и теперь оберегает другие заблудшие души.

Мысли о матери успокоили Керстен. Она справится. Справится и с кровожадным маньяком, помешанным на целостности тела неизвестной Паломы, и с жизненными проблемами, возникающими на пути. А если Бог будет настолько милостив, что отдаст в ее руки этого негодяя... Хотя бы на час. Керри подумала и поправилась – лучше на два часа.

Глава 4

Левая рука водителя лежала на руле автомобиля, двигавшегося по все еще проселочной, но совсем не плохой утрамбованной дороге. Ближе к Инвернессу она вольется в автомагистраль, водитель уже знал это, и езда превратится в сплошное удовольствие. Хорошо, что причуды Судьбы занесли его не в Глазго, где движение, как во всех крупных городах, должно быть, отнимает массу времени и сил. Он достаточно повидал уже на своем веку столиц и мегаполисов. Если бы можно было остаться навсегда в покое и тишине Хелмсдейла, сидеть в солнечный день на берегу залива и любоваться на Мори-Ферт и игру золотых зайчиков в волосах Керри, сидящей рядом! Денег у него уже столько, что хватит на пять жизней в умеренности, к какой привыкла она.

Но нет, невозможно... Его не оставят в покое ни союзники, ни конкуренты – все те, от кого зависит он и чье благополучие зависит от него. Рынок ценных бумаг, колебания курсов валют, презентации, брокеры, контрагенты, подрядчики – всё будет раз за разом вторгаться в их жизнь, пока Керри однажды не почувствует себя уставшей настолько, что соберет в чемодан свои вещи и уйдет, даже не предупредив его. Так поступили те две женщины, с которыми он пытался наладить прочные отношения еще до знакомства с Луэллой Нит. Как раз с Луэллой у него проблем быть не должно. Она не испытывает к жениху великой страсти, и ей все равно, чем будет заниматься ее муж, до тех пор, пока он исправно пополняет ее кредитную карточку. А что от этой сделки получит он? Детей? Возможно, одного – наследника. Любовь и понимание? Не стоит даже надеяться. Зато ему не надо будет бояться неосторожным словом оттолкнуть от себя эту женщину. Луэлла Нит останется с ним, пока у него будут водиться деньги.

Ская невольно передернуло от такой перспективы. Итак, он вернулся к самому началу: с одной стороны Луэлла, знакомая ему, как хорошо разношенные домашние тапочки, с другой – Керри, о которой он знает только одно – что он ее любит. Но ему придется найти в себе силы и отпустить ее, оставить в Шотландии и никогда не искать с нею встреч. Пусть Керри получит шанс найти свое счастье.

От Керри его мысли перешли на дело, удерживающее его в Хелмсдейле. Таинственная Кристен Игрейн, реципиент Паломы... Дом на Аллисон-роад казался необитаемым, но по некоторым мелким изменениям – приоткрытой калитке, мешкам для мусора возле нее – Скай делал вывод, что в доме есть, по крайней мере, один жилец. Сам он ни разу не сумел увидеть этой женщины; впрочем, Скай опасался часто приходить на Аллисон-роад, чтобы местные жители не запомнили его.

Зазвонил сотовый телефон, Скай правой рукой достал его из гнезда аккумулятора, поднес к уху. Брокер требовал его инструкций относительно акций южноамериканских рудников. Разговаривая с ним, Скай въехал в Инвернесс. Местом его назначения был деловой центр, оснащенный всей необходимой ему техникой и телекоммуникационными устройствами.

Офисное здание находилось на той же улице, что и Шотландский центр трансплантологии, обнесенный по периметру высоким забором. Для входа-выхода редких посетителей и пациентов использовалась кованая калитка в этой непрístupной стене; сквозь стеклянные стены бизнес-центра Скай прекрасно видел ее. И больше ничего, кроме тянущейся в обе стороны пустынной дороги.

Ожидая звонка парижского партнера, Скай Уидден от нечего делать смотрел на эту калитку. Словно чтобы развлечь его, на стоянке перед воротами остановился старый синий автомобиль. Водитель его, молодая женщина, выбралась со своего сидения, тряхнула копной распущенных золотистых волос, нагнулась в салон за чем-то забытым, выпрямилась, держа в руках брезентовую сумку, заперла дверь и направилась к калитке. Было ясно, что она не в первый раз проделывает этот путь.

Скай нахмурился, вспомнив давнее упоминание Керри об операции, которую ей делали в госпитале в Инвернесе. Он надеялся, что это было нечто вроде удаления аппендикса; но вряд ли центр трансплантологии стал бы связываться с аппендицитом.

Он должен знать. Даже разговаривая с партнером, Скайлер Уидден не отрывал взгляда от окна. И был вознагражден минут через сорок, когда Керри вышла через ту же калитку, села в свою машину пенсионного возраста и уехала. Скай решительно направился к воротам.

Добывая информацию о Кристен Игрейн, он уже бывал в центре трансплантологии, и охранник узнал его. Мужчина лет шестидесяти в форме хаки и с кобурой – непонятно, было ли там оружие, скупал в кресле в десяти метрах от регистратуры.

– О, добрый день, мистер Эванс! Опять к нам?

Скай остановился рядом.

– Да, все никак не можем принять решение насчет операции отца, – родители Уиддена давно погибли, поэтому он не опасался привлечь к ним беду.

– У нас работают первоклассные врачи, – охотно поддержал разговор охранник.

– Мужчины? Отец уже в возрасте, и ему хочется видеть вокруг себя хорошеньких женщин.

– И мужчины, и женщины, – охранник подмигнул ему. – И есть настоящие красотки.

– Это точно, – Скай добродушно улыбнулся в ответ. – Я только что у ворот встретился с молодой женщиной с такими роскошными волосами... У нее синий автомобиль, она как раз уезжала. Это хирург?

– А кто сейчас выходил? – охранник нахмурился, припоминая, потом лицо его просветлело. – А, вы имеете в виду Керри Игрейн! Она и вправду прелестная девушка, но мисс Игрейн не врач, она – пациентка доктора Джина Уорнесса...

Может быть, он говорил и еще что-то, но слух на какое-то время отказал Скаю. Фамилия Керри – Игрейн? Может быть, даже Кристен Игрейн? Ведь он так и не узнал ее полного имени, опрометчиво рассудив, что для любви анкетные данные не обязательны.

Напряженно прищурившись, Скай смотрел, как охранник открывает рот, шлепает губами, но не слышал ни единого звука, производимого ими. Бог наказал его глухотой за его преступление. Но, скорее всего, это было следствием пережитого шока.

А, может, произошла ошибка, и все еще наладится? Игрейн – типично шотландская фамилия, не одна Керри носит ее. Наверное, есть другая Кристен Игрейн... Но она не живет в Хелмсдейле, не оперировалась в центре трансплантологии, и Палома не была ее донором. Сердце Паломы, нежное, любящее, досталось Керри. Не случайно он полюбил ее с первого взгляда...

– ...там произошла такая история, что по ней в пору сериалы снимать, – говорил охранник, довольный, что заполучил благодарного слушателя. – У мисс Керри была мать, которая тоже болела по сердечной части. А операцию могли сделать только одной, но миссис Кристен ничего не сказала дочке, что умрет без операции, и привезла ее сюда.

– Она умерла? – услышал Скай словно со стороны чужой, изломанный голос.

– Через пару месяцев, – вздохнул охранник.

– И мать, и дочь звали одинаково – Кристен Игрейн?

– Не совсем так, – мужчина не удивился его вопросу. Всегда хочется знать как можно больше об объекте своего интереса.

– Кристен – это мать, а у мисс Керри полное имя – Керстен. Имена звучат вроде похоже, но Керстен – это другое имя.

– Значит, операцию на сердце сделали Керстен, а мать умерла?

– Точно так. Миссис Кристен пожертвовала собой, так сказать. А это значит, – охранник неожиданно с чувством хмыкнул, – что у вас не будет тещи, мистер Эванс, если вы вдруг доведете мисс Керри до алтаря.

– Я попытаюсь, – все еще испытывая заложенность в ушах, как от резкого подъема на высоту, Скай улыбнулся.

Они обменялись еще парой фраз, и Скай "вспомнил" о назначенной встрече с врачом, которая и привела его сегодня в госпиталь. Он просидел минут пятнадцать в комнате для посетителей, пытаясь правильно уложить все пазлы в мозаику. Но мысли упрямо возвращались к тому террору, что он устроил Керри, принимая ее за Кристен Игрейн. Которая тоже не была ни в чем виновата.

Скайлер Уидден чувствовал себя так, словно проснулся после тяжелой, мучительной болезни, но это пробуждение не принесло никакого облегчения, так он был слаб, растерян и... напуган. Напуган тем, что едва не погубил любимую им девушку, единственную драгоценность, которая у него была. Ее любовь напоминала цветок на рассвете, лучи восходящего солнца, вырывающиеся из-под толщи вод и окрашивающие океанские волны в самые невероятные цвета. Она была таким же чудом, как слезы младенца, жемчужинами скатывающиеся в подставленные ладошки. Он потеряет ее, это всего лишь вопрос времени.

Скаю хватило сорока минут, чтобы встретиться и тщательно всё обсудить с доктором Джином Уорнессом. Хирург немного поудивлялся по поводу того, что ничего не слышал от Керстен Игрейн о наличии у нее жениха, но в конце концов одобрил все планы мистера Ровера в отношении мисс Игрейн, снабдил Ская кучей предписаний и взял клятву раз в три месяца привозить Керри в Инвернесс для осмотра.

Вооруженный благословением доктора, Скай отправился в обратный путь. Как он ни спешил, но въехал в Хелмсдейл после наступления темноты и, не заезжая к себе, свернул к знакомому дому на Аллисон-роад. Изъеденное тревогой воображение подсовывало ему все более и более живые картинки: напуганная темнотой и маньяком, притаившимся в саду, Керри прячется в доме и ярко зажигает во всех комнатах свет... забивает досками изнутри окна и двери... или плачет, свернувшись комочком под одеялом... Ее больное сердце может этого не выдержать, и виноват будет только он, Скай.

Промчавшись через темный сад по скользкой дорожке, Уидден с такой силой заколотил во входную дверь, что, если Керри не умерла от ужаса при виде его "сюрприза", оставленного в доме, она имела все шансы сделать это сейчас. Скай постучал еще энергичнее и закрычал одновременно:

– Керри, не бойся, это я, Скай! Керри!

Спустя пять или шесть минут, показавшимися ему бесконечными, за дверью послышались осторожные шаги. В щель вырвался острый луч электрического света и показались темные перепуганные глаза.

– Скай? – прошептала чуть слышно девушка. Сил открыть дверь до конца у нее не оставалось.

Скай толчком сделал это за нее, ворвался в прихожую и подхватил Керри Игрейн прежде, чем она сползла на ослабевших ногах на пол. Весила она меньше, чем птичка, кости выступали

даже в тех местах, где они не должны быть видны у женщины. "Как же она измучилась!" – с тревогой подумал Скай, глядя на зеленовато-бледное лицо, обескровленные губы, круги под глазами. Он мог убить ее, но, слава Создателю, всё обошлось. Теперь Скайлер Уидден будет исправлять содеянное им.

– Давай, пойдем в комнату, моя дорогая, – легко подняв Керри на руки, Скай перенес ее в гостиную и уложил на диван, обтянутый вытершейся и даже порванной в некоторых местах материей. Керри держалась за его шею обеими руками и отказывалась отпустить, даже оказавшись в безопасности комнаты.

– Я ненавижу грозу, – Керри заплакала, дрожа всем телом. – Она скоро начнется – чувствуешь, как потрескивает воздух?

– Не волнуйся, я буду рядом, – Скаю так же не хотелось отпускать ее рук, как и ей – расставаться с ним.

– Хорошо, – мисс Игрейн бледно улыбнулась. – Мне с тобой спокойно. Я люблю тебя, – она произнесла эти слова невинно, как ребенок, которого отец целует в лоб на ночь.

Скай сжал зубы, закрыл глаза... и решил. Медлить было нельзя.

– Керри, у меня есть к тебе серьезный разговор. Это даже не предложение. Я хочу, чтобы ты уехала со мной.

Ресницы Керри затрепетали, как крылья бабочки, и это совсем не выглядело театральным жестом.

– Зачем мне переезжать в твой дом, Скай? Гроза скоро начнется и так же скоро закончится. Это всего лишь одна ночь.

– Ты не поняла меня, – сжав пальцами ее руку, Скай проникновенно глянул в глаза девушки. – Я хочу увезти тебя насовсем. В мой дом. Ты поедешь?

– Навсегда увезти из Шотландии? – непонимающе повторила Керри. – Зачем?

Скай постарался вложить в улыбку все свое обаяние.

– Разве ты не догадываешься? Я полюбил тебя. Так сильно, что меня пугает мысль не видеть мою любимую хотя бы день. Мне не под силу оказалось справиться с этим чувством.

– Ты предлагаешь мне стать твоей женой?

– Д-да, – после томительной паузы подтвердил Скай. – Для начала мы обручимся, ты поживешь в моем доме и примешь решение, уже зная, что значит жить со мной. У меня тяжелый характер, любимая.

– Я не могу уехать, – лицо Керри омрачилось.

Скай не терял надежды. По правде говоря, он был готов, если она откажется, упаковать ее в заплечный мешок и вывезти на остров контрабандой.

– Если тебя беспокоит разрешение врачей, то я уже получил его.

Глаза Керри широко раскрылись.

– Ты – что сделал?

– Сегодня днем я разговаривал с доктором Уорнессом, и он разрешил тебе уехать. Тебе понравится мой дом. Ты любишь Гавайи?

– Я никогда там не была, – губы девушки дрогнули, словно она собиралась рассмеяться. Скай все еще с напряжением улыбнулся.

– Я живу на прекрасном острове в Полинезии. Местные жители – добрейшие люди, цивилизация не успела испортить их. На всем острове только один город – Палома-Сити.

Керри вздрогнула всем телом и замерла.

– Что такое, любовь моя?

– Почему этот город так называется?

– Палома-Сити? Это значит "город голубки" на итальянско-английском языке.

– А кто голубка?

– Я не знаю, – Скай смущенно улыбнулся ей. – Я никогда не интересовался. Город уже стоял там, когда мои родители приехали на остров.

Его сестру назвали Паломой, потому что матери безумно нравилось название города; но в такие подробности Скай посвящать Керри не собирался. Никогда. Она не должна догадаться, даже живя на острове, что Палома Уидден когда-то существовала. Ему надо позвонить Дюку Орнунгу и попросить подготовить для гостыи летний дом на побережье. Коттедж стоял почти на песке, в пятидесяти шагах от набегающих волн – и в пяти километрах от поместья. Что совсем не плохо, другого человеческого жилья там нет. Никакие соседи не нужны ему и Керри.

– Я согласна, – улыбнулась девушка, в ее улыбке смешались любовь и нетерпеливое ожидание перемен. – Неужели тебя совсем не пугает моя болезнь?

– Для меня ты лучше всех в мире, любимая, и совершенно не важно, перенесла ты какие-то операции или нет. Я собираюсь любить и беречь тебя всю мою жизнь, Керри Игрейн.

Глава 5

Керстен жила словно во сне уже третью неделю, состояние изумленного восхищения не покидало ее. Через день после ночного разговора они со Скаем прилетели в Лиму в Бразилии и на небольшой яхте продолжили свой путь до острова Эсмеральда. Керри впервые плыла на корабле и опасалась столь разрекламированной морской болезни; но желудок ее остался равнодушным к качке. Морское путешествие заняло еще два дня.

Полинезийский рай встретил их ярким солнечным светом, белым песком, зелеными пальмами и нежным шуршанием океанских волн, набегающих на берег, чтобы через полминуты покинуть его. К такой красоте Керри не была готова даже после рекламных проспектов, которые она просматривала в самолете.

Небеса здесь сияли так ярко, что после серого шотландского неба, то и дело раздражающего дождем, Керстен чувствовала себя почти ослепшей. В этом тропическом раю сверкало всё – небо, океан, белый чистый песок, глянцевые листья экзотических растений, блестящие, будто вымытые водой. Но мир для Керри был бы ярким и разноцветным даже в заплесневелом колодце, когда с нею рядом был Скай.

За неполные три недели Керри загорела так, что стала похожей на мулатку, кофе с молоком, причем доля молока уменьшалась с каждым днем. Волосы, отливающие золотом на фоне залива Мори-Ферт, постепенно приобретали цвет, который Керри называла "кофейный лен". Скай восхищался ее волосами, ее глазами, походкой, ее острым умом, но так и не решился предпринять атаку на ее тело. И нельзя сказать, что он потерял интерес к ней как к женщине, узнав про ее болезнь. Скайлер Ровер изо всех сил старался быть заботливым и деликатным. Керри не удалось пропустить ни одной трапезы, ни одного приема лекарств, пока ее бдительный страж был рядом, всё, что могло побеспокоить Керри, заранее убиралось из ее поля зрения.

Когда прибыл багаж Керри, девушка поразились, насколько Скай все продумал. Он не забыл ее любимой домашней одежды, ее косметики, запаса лекарств на полгода вперед. В ящиках лежали даже ее инструменты для резьбы по дереву, ее альбомы с зарисовками и материал. Но Керри чувствовала себя слишком разнеженной, слишком ленивой, чтобы браться за работу – ту самую, что поддерживала ее в ужасные дни и недели после смерти матери.

Коттедж, в котором она жила, – дом Ская – стоял почти на пляже и выглядел достаточно скромно: белое одноэтажное здание с верандой, тремя комнатами внутри и крохотной кухней. Керри вполне устраивала эта простота, в более богатом жилище она чувствовала бы себя неловко. Хорошо, что у Ская не так уж много денег. Они останутся до заката их жизни в этом домике на пляже, Скай будет заниматься своими юридическими делами – хотя, как Керри подозревала, на таком маленьком острове его практика не велика; а она станет по-прежнему продавать свои резные изделия и вносить этим свою долю в семейный бюджет. У них всё будет хорошо, даже если Скай так и не предложит ей стать миссис Ровер.

Керри всерьез и не рассчитывала на это. Несмотря на все усилия Ская, она по-прежнему ощущала себя туристкой на экзотическом курорте, срок путевки которой истекает со дня на день. Было почти невозможно представить, что она проживет в окружении этого яркого солнца, белого песка и влажной зелени всю свою жизнь.

Время просыпаться пришло два дня назад, когда уехал Скай; Керри была уверена, что именно она каким-то загадочным образом вынудила его сделать это.

То утро началось как обычно: позднее пробуждение под шум набегающих океанских волн, Скай, ожидающий ее на террасе с уже готовым завтраком – йогурт, тосты и целая корзина экзотических фруктов. Скай не разрезал их до тех пор, пока Керри не уставала разглядывать плоды и восхищаться фантазией создавшей их природы. Оказалось, что за всю свою жизнь ничего, кроме бананов и ананасов на картинке, она не видела.

Этим утром Скай устроил Керри экзамен – завязав глаза, он клал ей в рот по одному ломтику фрукты и, нежно поддразнивая, заставлял угадывать их название. В результате Керри так объелась фруктами, что еще часа полтора могла только лежать на покрывале под теплым солнцем и дремать, как сытый тюлень. Проснулась она в одно мгновение, без следа одолевавшей ее в последнее время лени, энергично села на коврик, потом вскочила. Пальцы требовали работы. Керри Игрейн направилась в дом за карандашами и папкой с эскизами. Она сделает роскошный подарок для Ская, хотя до сих пор не знала, когда точно у него день рождения. Она вырежет из куска дерева весь этот остров – с пальмами, волнами и маленьким домиком на берегу океана. А, может быть, даже с миниатюрными фигурками Адама и Евы – Ская и ее. За все три недели на Эсмеральде Керстен не встретила ни единого человека и начала уже сомневаться, что остров обитаем. Когда-то Скай упомянул, что на Эсмеральде есть город, Паломасити, но Керри не хотелось просить отвезти ее туда. Она боялась самого этого имени – Палома. Что, если в этом городе ей суждено встретить свою судьбу? Нет уж, благодарим покорно, она потерпит в неизвестности.

Потянувшись, Керри сняла с дальней полки альбом с эскизами. Вслед на пол спорхнул набросок – лицо и фигура приснившейся ей девушки, которую она считала Паломой. Тогда, быстро набросав силуэт, она засунула рисунок между листами альбома и забыла о нем. Керстен в раздумье посмотрела на девушку, опирающуюся правой рукой на дверь красного спортивного автомобиля. Палома отвечала ей спокойным, самоуверенным взглядом, словно говорящим: "Попробуй, уничтожь меня!"

Керри пожала плечами, сунула набросок на прежнее место. Эта история с Паломой закончилась, как кончаются рано или поздно все истории; едва ли тот сумасшедший догадается искать ее на малонаселенном острове в Полинезии. Керстен невольно улыбнулась при мысли, в какую ярость, должно быть, впал тот человек, увидев разбитый вдребезги магнитофон и поняв, что жертва ускользнула от него. Настроение Керри сразу улучшилось, где-то над головой тренькнула золотыми струнами лиры долгожданная муза.

Керстен устроилась рисовать на небольшом мысе, вдающемся в море недалеко от дома; там Скай еще в первые дни поставил для нее среди деревьев парусиновое кресло, чтобы она могла отдыхать в тени. Ее возлюбленный понимал, что после Шотландии ей тяжело будет все время находиться под ярким карибским солнцем.

Девушка расстелила плед на траве и начала рисовать силуэт будущего острова в альбоме тонко отточенным карандашом. Постепенно на белом листе проступал пологий берег, пальмы, начал появляться дом...

– Я не хотел тебя беспокоить, дорогая, но прошло время уже и позднего ланча, а ты не появляешься. Ты не чувствуешь голода? – Скай сел на раскладное кресло, возвышаясь над Керри, поставил на покрывало корзину, принесенную с собой, и посмотрел на золотоволосую

шотландку. Она улыбалась ему немного отстраненно, в глазах ее светилось столько любви, что сердце Ская снова наполнил страх потерять ее. После этого ему останется только утопиться.

– Я не хочу показаться старым брюзгой, любимая, но тебе не стоит сидеть на земле. Ты можешь простудиться, а в твоём состоянии...

– Я никогда не чувствовала себя лучше, Скай, – Керри смотрела на него с мечтательным видом. – Я будто попала в сказку, любовь моя.

– Меня делает счастливым твоё счастье, – Скай порывисто взял её за руку. – Я надеюсь, что здесь, на Эсмеральде, ты никогда не узнаешь страха или огорчений. Если это будет в моих силах. Тебе нечего опасаться.

Керстен повнимательнее глянула на него.

– Почему ты заговорил об этом?

– Мне не нравилось, как ты выглядела в Шотландии, – не стал кривить душой Скай. – Такая уставшая, напуганная...

– У меня были причины, – Керстен Игрейн уперлась взглядом в свои пальцы, в которых вертела карандаш.

– Чего ты боялась?

– Разреши мне не обсуждать это с тобой, Скайлер, – с несчастным видом, но твердостью в голосе проговорила девушка. – Честное слово, это совсем-совсем тебя не касается. Кроме того, этой проблемы больше не существует.

– Ну и славно, – вставая, Скай погладил её по щеке. – Надеюсь, теперь ты всегда будешь только улыбаться.

– Как Щелкунчик, – поддразнила его Керри. – Ты не хочешь посмотреть мои рисунки?

Скай улыбнулся.

– Ещё бы, я просто стеснялся попросить.

Положив на левую руку тяжелый альбом, мужчина принялся перелистывать страницы. Он не скупился на выражения восхищения талантом художника.

– Тебе нужно учиться в специальной школе, ты станешь знаменитостью.

– Я не хочу быть знаменитостью, – засмеялась шотландка. – Лучше я буду просто женой, имеющей необычное хобби.

– Договорились, – Скай наклонился, чтобы поцеловать её, альбом в его руках накренился, и из него посыпались разноформатные бумаги – наброски, эскизы, чертежи.

– Ох, извини!

– Ничего страшного. Во всем виновата моя привычка хранить в альбоме все, что придет в голову.

Скай присел на корточки, помогая Керри собирать с покрывала и с травы рассыпавшиеся бумаги. Внезапно он замер, словно пронзенный молнией, держа в руке карандашный набросок.

– Откуда это у тебя?

– Что именно? – Керри потянулась, чтобы взглянуть на его находку. – А... – губы её сжались, на лицо легла тень.

– Это часть той истории, о которой я не захотела тебе рассказывать. Однажды ночью мне приснилась эта девушка. Я не знаю, плод это моего воображения или она существует на самом деле... но она так красива, так необычна, что я не смогла побороть искушения нарисовать её. Правда, в ней есть что-то особенное?

– Проклятье! – лицо Ская было мрачным и напуганным одновременно, насколько возможно совмещать эти две эмоции. – Ты знаешь, да? Знаешь? – он впился глазами в глаза Керри.

– Знаю что? – девушка слегка отодвинулась, но не отвела взгляда. – Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь, Скай?

– Будь все проклято! – прорычал её возлюбленный, поднимаясь на ноги. – Дерьмо! – он огромными шагами промчался к дому, и через минуту зашумел мотор его джипа. Машина

летела по дороге так, словно за ней гнались все дьяволы из преисподней. Но даже им Керри не пожелала бы настичь Скайлера Ровера, который сидел на переднем сидении, вцепившись в руль с видом камикадзе, увидевшего перед собой землю и осознавшего, что это его последний полет. Или даже не землю, а бурлящий вулкан – разверстые ворота ада.

Подбирая рисунки, Керстен пожалала плечами. Неужели внешность ее Паломы так потрясла мужское начало Ская, что он отправился искать красотку с рисунка, где бы она ни была? Что ж, если он будет так гнать машину, то получит шанс встретиться с Паломой – на небесах. Керри пыталась за иронией скрыть свое беспокойство за любимого мужчину. Что, если Скай не вернется? Но куда ему еще возвращаться, кроме своего дома? А если он попадет в аварию или полезет в драку после нескольких порций виски в баре? А если... а вдруг... Не то чтобы Скай был первым человеком, покинувшим ее жизнь без всяких объяснений, но Керстен все же хотелось, чтобы он вернулся. Она приняла единственное решение, доступное женщине в ее положении – ждать.

Делать это она начала спокойно и обстоятельно. Осмотрела запасы еды в кухне и кладовой коттеджа и пришла к выводу, что голодная смерть может ее настичь примерно через полгода. К тому времени она точно научится ловить морскую рыбу с помощью снастей, обнаруженных в мастерской в подвале. Будет питаться рыбой, запеченной на костре, и кокосами с манго, обильно свисающими с деревьев в соседних рощах. В отличие от Робинзона Крузо у нее, Керри, есть значительное преимущество – она читала, хотя и в детстве, это превосходное руководство по выживанию на тропическом острове. Керри несколько истерически захихикала. Интересно, через сколько лет она надумает выдолбить пирогу из ствола перепиленного маникюрной пилочкой дерева?

На следующий день Керстен Игрейн опять рисовала, стараясь не впасть в уныние, а для этого – совершенно не думать о Скае. набросок острова был почти готов, не хватало только знаний о северной оконечности Эсмеральды. Подумав, Керри нарисовала порт с причалами, залив и изящные яхты в нем так, как она представляла себе небольшой портовый город.

Ночью ей опять снилась Палома. В этот раз девушка хмурила брови и очень неприятно приподнимала верхнюю губу над острыми белыми зубами – словно бы скалилась. «Тебе не на что рассчитывать!» – зло повторяла она, постукивая носком сапога о дорогу. Как всегда, за ее спиной была красная спортивная машина с включенным двигателем, за затемненным стеклом угадывался еще один женский силуэт.

Керри проснулась в поту – и в раздражении. До каких пор эта капризная девица будет преследовать ее? Может быть, это дух Паломы подбрасывал ей отвратительные сюрпризы в Хелмсдейле и оставлял все эти записки? Стоп. В мистику она не верит. Гадости были делом рук реального человека, из плоти и крови, а не той, от которой осталось лишь сердце, а все остальное давно разлагается в паре метров под землей. Пораженная ее логикой, Палома до конца ночи оставила Керри в покое. А рано утром в постель скользнуло теплое обнаженное тело с совершенно окоченевшими руками и ногами; их-то Скай и принялся отогревать, подсунув под спящую девушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.